

Обход, в клинике уже почти заканчивался, оставалось три или четыре пациента. Все было очень сумбурно, и ей предстояло еще провести «чудесный» вечер, детально разбирая истории болезней и курсы терапии. В следующей палате, пациент предстал перед ними в смиренной рубашке, привязанным к койке. Если кто-то представляет себе палаты в психиатрических клиниках как что-то стерильное, белого цвета и с мягкими стенами, то госпиталь Сент-Мэри был не из того случая. Это было довольно провинциальное заведение, с недостаточным финансированием, где почти все деньги шли на зарплаты персоналу. И только в случае, если, что-то еще оставалось, то выделялось на оборудование или ремонт. Год за годом финансирование уменьшалось и как не сложно догадаться самый простой способ сэкономить, было сокращение ставок. Людей увольняли, активные и перспективные врачи уходили сами, количество пациентов, которое могло принять заведение тоже уменьшалось. Сейчас одно крыло здания было закрыто, оно находилось в аварийном состоянии, на двух этажах правого крыла размещалось восемнадцать пациентов, на которых приходилось три сестры и два врача, включая ее. Всех пациентов с более-менее положительной динамикой родственники старались забрать в клиники с лучшим оборудованием и с лучшими врачами, здесь же оставались пациенты преимущественно без симптомов улучшения и клиника работала только на то, что бы им не стало еще хуже. Донна прочла на карте имя и возраст пациента: Дэниель Блие, возраст двадцать три года. Больной страдал от синдрома Дауна. Внешне это был довольно массивный молодой человек, который бы, вполне возможно, пользовался бы успехом у юных мадемуазелей, если бы не недуг. Вопросительно посмотрев на Клэр, она кивнула на смиренную рубашку ожидая объяснений. Та немного помедлила, явно с трудом подбирая нужные слова. «Дэниель мешал сестре Мари, когда та убиралась в палате, и его пришлось обездвижить мэм», — сказала она. Донна неторопливо осматривала пациента и его палату. Мистер Блие в это время вращал на них глазами и ерзал на кровати в пустой надежде выпутаться.

— У вас есть дети? — спросила Донна сестру Клэр.

Она посмотрела на нее со стороны, наблюдая как та борется с охватившим ее смущением. Это был нескромный вопрос, но смутить им можно было далеко не всякого. Свет заходящего солнца осветил пушок на ее коже, словно на розовом персике, выдавая нежный возраст девушки. Клэр была воспитанницей местного католического монастыря, сирота, выросшая в строгости нравов и в любви к тяжелому труду. Она закончила сестринские курсы, прежде чем попасть сюда. Ей было девятнадцать, но наверняка она уже задавалась мыслью: «не слишком ли она хороша для такого места?». Донна знала девушку только полдня, но уже чувствовала уколы ревности и обиды, боясь, что та покинет ее в поисках лучшей жизни и более легких денег. Девушка была весьма достойной: прилежной, послушной, исполнительной. Кроме того, немаловажным фактом было то, что Донна легко нашла с ней общий язык. В этом месте у нее не предвиделся широкий круг знакомств, и без человека с которым можно было бы поговорить, для нее здесь все стало бы гораздо сложнее. Кроме того, что Клэр была хорошей сестрой, она еще была и весьма привлекательной на ее взгляд, насколько дна девушка может судить у внешности другой девушки. Возможно, со временем, жизнь сотрет эту красоту с ее лица, но пока было похоже, что еще не нашлось тех губ, которые бы прошептали ей на ушко

первые льстивые слова. Не было на ее лице ни гримасы самодовольства, ни высокомерия, столь свойственного многим избалованным вниманием девочкам.

— Нет мэм, что вы, я еще не замужем, — смутившись отвечала Клэр. — А вы хотели бы их иметь? — Да, мэм, конечно бы хотела. — И вы бы их тоже связывали? — — спросила Донна наблюдая за тем как девушка теряет уверенность. — Нет! Что Вы, мэм! — Больные с синдромом Дауна, это семилетние дети на всю жизнь. Нельзя выкручивать руки ребенку за то, что тот слишком шалит, — — поучительным тоном прочитала нотацию Донна.

Она приказала убрать кляп, девушка послушно выполнила, умело уворачиваясь от попыток пациента укунить ее за руки.

— Гг-гадина! — первым делом прокричал ей Дэниель. — Какой неприличный мальчик! — наиграно строго отчитала Донна пациента, и спросила: — Дэни, кто тебя научил таким плохим словам?

Дэниель засопел.

— Я сям! — Ах, какой плохой мальчик! Если будешь себя плохо вести, никогда не вырастишь! — припугнула его Донна, игнорируя от факт, что Дэниел весил под сотню килограмм, ростом был два метра без кепки и был почти ее ровесником.

Снова засопев, он решил поинтересоваться личностью строгой тети: — А как тебя зовут? — — спросил Дэниель ерзая в смиренной рубашке, будто пытаясь выскользнуть из нее. — Меня зовут Донна и я твоя новая тетя-доктор. — тетя-Дона пакаси сваю ПИСДУ, я хасу знать сто ти не даДя!

Дэниель омерзительно засмеялся, а Донна мельком взглянула на Клэр, чтобы посмотреть как она реагирует на такие финты пациентов. Та покраснев отвела глаза в сторону. Было понятно, что подобные заявления ей не впервой слушать, но профессиональное безразличие было пока ей чуждо.

— Дэниел, разве я похожа на дядю? Видишь у меня халат, нет брюк, и длинные волосы. Разве дяди так одеваются?

Дэниел ничего не говорил, а только сопел и пускал слюну. Донна продолжала расспрашивать пациента: — Дэни, скажи, кто тебе показывал свою писю? Ты с кем-то игрался из девочек? — у Маринки волосатая жирная ПИСДА. Я видел! Она снасяла не хосЕла ее покасывать, но, — — здесь Дэниель вновь усилено засопел, но потом все же продолжил:

— Но мы с Майком подождали ее в туалесЕ и она согласилась нам покасАть. — Ах, плохой мальчик! Тебе Дэни разве не говорили, что так не хорошо так делать? Подкарауливать людей! А?!

Дэниель на суровую отповедь ответил сначала сопением, потом обиженным голосом начал жаловаться: — Все говорят сТо Дэни плохой, а Дэни не плохой, Дэни только хотел иБАТЬСЯ! — Дэни всех просил покасАть ПИЗДУ, но никто не покасывал! Ты тоже не, НЕ ПОКАСЫВАЕСЬ СВАЮ ПИЗДУ!

Дэниель говорил сначала тихо, потом громче, а под конец прямо заорал. Донна вытерла с лица слизкие капли попавших на нее брызг. С каждым звуком Дэни выплескивал фонтан слюны. Когда же он молчал соображая что сказать, то усиленно сопел и начинал захлебываться этой слюной. Решив просто уточнить, Донна спросила:

— А если Маринка, не хотела показывать писю, почему она потом согласилась? — Майки сказал ей сТо выдавит ей глаз если она не согласисЯ, и она согласилась! — Дэни, скажи. Маринкой ты зовешь сестру Мари? — ДА! — А кто такой Майки? — Мой друК! — И что вы

делали потом? После того как она согласилась? — Мы сняли с нее одесДу, хотя она не хосЕла ее снимать, и стали искать ее ПИСДУ! — Нашли? — Да, ДВЕ! — Целых две!! — деланно удивилась Доанна, — Где же, скажи, они у нее прятались? — Маринка прятала их руками, но Майки стукнул ей по ноге кирписОм! Тогда она стала руками хвататься за стены, а мы порвали ей трусы и нашли там у нее две ПИЗДЫ, одну спереди, другую сзади. Та которая спереди была очень мохнатой и я сначала хотел убрать шерсть, но Маринка так стала крисЯть, сТо я не стал. А та ПИСДА что была сзади была осЕнь маленькой и Майки снасЯла долго пихал туда свай пальсЫ, пока ХУЙ Майки не залес в нее весь! Тогда он встал за ней сСади а я встал спереди, и мы стали с Маринкой иБАТЬСЯ!

Пока Дэниель рассказывал, Донна осматривала внешнее состояние пациента, и его фармакологическую карту. Она не знала, сколько времени, он привел зафиксированным, но мочой от него так воняло также, как и его история.

— И, тебе понравилось Маринка? — ДА, тетя ДОННА! Я даже хотел на ней жениться, но она не захотела! — А Маринке понравилось?

Дэниель снова засопел как перегруженный пароход, и из его рта начала стекать слизкая слюна.

— НЕТ! Она все время пыталась крисЯть, чтобы мы отпустили ее! Но Майки дерсАл ее руками за сЕю и она переставала! — Дэни, — — упрекнула его Донна, — — нехорошо так делать, если девочка просила надо было отпустить. После продолжительного сопения, Дэниель пожаловался: — Маринка противная! Она все время кричит на Дэни! Дэни хотел с ней играть, но Маринка злая и обсЫвала меня ДЕБИЛОМ! — Дэни, расскажи, что было потом? — Кагда мы с Миком наИБАЛИСЬ, тогда уСли и забрали всю ее одежду, а Маринку оставили голой сидеть на унитазе! Ах-ха-ха!

Дэниель радостно засмеялся, довольный своей шалостью.

Что было в этой истории правдой, а что фантазией, покажет время, а сейчас нужно было заниматься текущими делами. Дэниель в первую очередь был пациентом. Донна кивнула Клэр на него и сказала:

— Если фиксируете пациента, то хотя бы вовремя меняйте ему подгузники. Воняет невозможно. Не хватает еще какой-нибудь сифилис ему посадить.

Она махнула рукой распоряжаясь, что бы сестра сделала свою работу. Повинуясь приступу внезапно навалившейся усталости, она прислонилась к стене палаты, что бы подождать когда Клэр поменяет Дэниелью подгузник.

Клэр стянула, с непослушного пациента одеяло и стараясь избегать прямого вызывающего взгляда в глаза, вытащила у него из под задницы несколько непромокаемых подстилок. Своими тоненькими ручками она попыталась стянуть с него штаны, но вес пациента не позволял это делать не приподнимая его самого.

— Дэни, попросила Клэр, — прошу, приподнимись немного! — Пососи, мне ХУЙ, тогда приподнимусь! — — не замедлил ответить пациент. — Дэни, немедленно извинись перед Клэр! — — вмешалась Донна. — иБаться хачу! иБаться хацу! — — монотонно начал стонать Дэниель, и принялся раскачиваться на койке в тех движениях, что знакомы каждому взрослому человеку.

Придерживая койку одной рукой, чтоб Дэниель ее не опрокинул, Клэр другой рукой изловчившись, рывком стянула штаны с пациента и приспустила их к его лодыжкам. Переведя дух, она посмотрела на подгузник. Он источал такой запах, словно его не меняли

несколько дней. Она приспустила его сверху и перед девушками, во всей своей красе, предстал массивный фаллос не менее двадцати сантиметров в длину, находившийся в состоянии эрекции. Стараясь не задеть руками гигантский вертел дебила, Клэр потянула подгузник снизу, но тот никак не хотел поддавался. Тогда она навалилась на него весом своего тела, и... внезапно он разорвался в ее руках.

Хватая воздух рукам, Клэр пыталась сбалансировать, чтобы удержаться на ногах, но координация на этот раз подвела ее и она беспомощно повалилась на грязный линолеум палаты. Услышав возглас боли, Донна кинулась на помощь девушке. Лавируя на каблуках, она обхватила Клэр руками за талию и попыталась поднять ее на ноги. Все мышцы ее тела натужно напряглись, сдавив дыхание, и в тот момент, ее холщовый халатик не выдержал натяжения и затрещал по швам. В приступе паники Донна выпустила Клэр из рук. Однако, опустив живой груз, она тут же потеряла равновесие и сделав несколько энергичных взмахов тоже грохнулась рядом с Клэр. Ее халатик, уже треснувший по швам, при жестком приземлении, совершенно разорвался в клам, и Донна очутилась на грязном линолеуме, в разорванных лохмотьях и в одном лишь кружевном белье.

Между ног она почувствовала липкое тепло выкинутого давлением тампона из ее вагины. Кровь от ее месячных размазалась по матовой коже между ее бедрами. Дэниель все это время словно в припадке эпилепсии прыгал на койке, раскачивая ее в разные стороны. В конце концов, койка опрокинулась и упала на бок едва не разбив голову самому пациенту и едва не придавил девушек. Крепления не выдержав удара лопнули, освобождая своего невменяемого пленника. Дэни неуверенно поднялся на ноги, все еще в смиренной рубашке, но совершенно без штанов. Его мясистый вертел нацелился на замерших в ужасе девушек. С идиотской улыбкой, от уха до уха, он рывком бросился на лежащих Клэр и Донну.